

6 10 МАЯ 37

ИСКУССТВО

Вечер Сергея Балашова

На вечере 8 мая С. М. Балашов читал много вещей, уже знакомых Перми. Но и эти произведения слушаются с исключительным вниманием, «захватывающим» интересом. Можно много раз слушать его литературную композицию «Челябинский тракторный завод» или «Письмо колхозников — участникам конного пробега Ашхабад — Москва товарищу Сталину», или рассказ Гарри «Цветы», или «Стихи о советском паспорте» Маяковского, или фрагменты из поэмы Маяковского «Хорошо» и «В. И. Ленин» и находить все новые и новые красоты в исполнении Балашова.

Мы не знаем другого такого чтеца, в котором так счастливо сочетались бы колоссальное политическое и художественное чутье, огромное мастерство с прямо исключительной искренностью, которая так отличает Балашова.

Великолепное художественное чутье Балашова помогло ему блестяще справиться в новой задаче, над разрешением которой он стал работать сравнительно недавно. Эта задача — чтение Пушкина. Несколько месяцев назад нам уже приходилось отмечать, что, читая монолог Скупого рыцаря, Балашов добивается очень большой выразительности во вскрытии образа скупца, в показе алчности и стяжательства, как явлений социальных и совершенно чуждых нашему времени, людям нашей советской эпохи.

Сейчас Балашов показал свою новую работу над пушкинскими произведениями. Он прочитал, открыв этим свой вечер, «Медный всадник». Это крупная, серьезная, бесспорно очень удачная работа и большая победа Балашова. Читать Пушкина, тем более такую сложную и большую вещь, как «Медный всадник», — ответственное дело. И надо сказать, что чтец справился с ней исключительно удачно.

Основа, фон чтения — большая глубокая искренняя простота. Иногда это по форме почти эпический, повествовательный рассказ, иногда это глубоко лирическое повествование. И на этом фоне — взволнованное, насыщенное глубоким переживанием, подымающееся иногда до сильно звучащего пафоса изображение судьбы Евгения, тесно связанное с изображением Петра и сил, приведенных им в движение. С исключительным мастерством читает Балашов размышления Евгения в первой части поэмы. Тонким рисунком чтения, красочностью интонаций он добивается того, что слушатель воспринимает как реально ощутимую тоску Евгения, убожество его положения, безнадежную серость его существования. Буквально с потрясающей силой дается картина сумасшествия Евгения. Там же сильно звучит обращение к Петру: «Не так ли ты над самой бездной, на высоте уздой железной Россию поднял на дыбы?»

Балашов глубоко проникает в замысел Пушкина. Он замечательно чувствует и характер его произведений, и их ритм. Это и ведет к совершенно заслуженному огромному успеху, к горячей встрече, к восторженному приему у слушателя.

Следует пожелать, чтобы Балашова услышали широкие массы трудящихся Перми.

С. Г.